

С.И. Блюмхен*

**Герменевтика имён и образов:
Бо И-као, Бо-и и Шу-ци**

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются вопросы происхождения имён знаменитых персонажей китайской истории Бо И-као, Бо-и и Шу-ци, а также предпринимается попытка реконструировать ход событий, приведший к возникновению этих имён и образов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Бо И-као, Бо-и, Шу-ци, Вэнь-ван, У-ван, Чжоу-синь, Люй Ван, Чжоу, Шан, мандат Неба.

Человеку свойственно искать объяснения непонятному. Если он способен в какой-то мере смириться с существованием непостижимых тайн бытия, то загадки ближних не оставляют его равнодушным, особенно если речь идёт о ком-то знаменитом или о нашумевших событиях. Недостигаемое домысливается, а затем становится той частью ментальной реальности, которую называют мифо-историей и которой нет дела до того, как оно было на самом деле.

Для понимания сути таких недопонятых и из-за недопонятости неверно трактуемых описаний, будь то факты, сведения о персонажах или событиях, историку приходится прибегать к методам герменевтики. Иногда бывает достаточно восстановить обстоятельства возникновения события или образа, чтобы их смысл стал понятен, а причины неправильной трактовки очевидны. Ниже я рассмотрю два таких сюжета, казалось бы, не связанных между собой, но имеющих общую черту: они были впоследствии переосмыслены и додуманы для придания им злободневности.

---

* Блюмхен Сергей Иванович, м.н.с. отдела Китая ИВ РАН, Москва; E-mail: xiuji@mail.ru

---

© Блюмхен С.И., 2018

Сюжет первый: «Ужасная смерть Бо И-као»

Этот сюжет относится к предыстории эпохи Чжоу. Одним из этапных моментов становления Чжоу как противостоящей Шан¹ силы стал арест и последующее освобождение чжоуского вождя Цзи Чана 姬昌 (1152–1056 до н.э.), получившего впоследствии имя Вэнь-ван 文王, нередко переводимое в соответствии с позднейшей литературной традицией как «Царь Просвещённый».

Меня всегда интересовал вопрос: как мог состояться этот арест? Почему Цзи Чан добровольно отдался в руки шанского вана Чжоу-синя, своего злейшего врага, явившись в его ставку? Вопрос далеко не праздный. Ведь к моменту ареста Цзи Чан уже успел противопоставить себя вместе с подвластным ему Чжоу шанцам, уже получил благоприятные небесные знамения (схождение пяти планет над западным горизонтом в мае 1059 г. до н.э.), которые стали трактоваться как «повеление» или «мандат Неба» (*тянь мин* 天命). Чрезмерно быстрого усиления соседей, пусть даже дружественных, не очень-то хотят даже в нашем, более стабильном и уравновешенном мире, а в те времена такой ход событий был и вовсе чреват нарушением сложившегося де-факто равновесия сил (как оно позднее и случилось). Традиционным способом ослабления оппозиции было адресное уничтожение её вождей — именно так поступил ранее отец Чжоу-синя, ван Вэнь-дин 文丁, с отцом Цзи Чана, чжоуским вождём Цзи Цзи-ли 姬季歷 (его именуют также Ван-цзи 王季 или Гун-цзи 公季). Когда чжоуский вождь приехал в ставку Вэнь-дина после очередной победы над жунами, приведя трёх пленных жунских вождей, он был обвинён (в чём именно, неизвестно) и казнён (предположительно, заморен голодом в заключении). Всё это было сделано так, чтобы вина пала на лично Цзи Цзи-ли и, возможно, его старших сыновей Тай-бо и Чжун-юна², но не на Чжоу в целом.

---

¹ В современной науке это древнее царство принято называть Шан, Инь или Шан-Инь, встречается и вариант Инь-Шан, все эти названия и производные от них синонимичны. Однако недавно М.Е. Кузнецова-Фетисова вполне убедительно продемонстрировала, что термин «Инь» был введён в оборот чжоусцами и имеет идеологически детерминированное значение («вредящие плодородию») [Кузнецова-Фетисова, 2013], а потому я использую исторически более аутентичное название «Шан» и производные от него («шанцы», «шанский» и т.п.). Термин «Инь» и производные от него оставлены только в цитатах.

² Согласно официальной историографии, после ареста отца они бежали на юг, где проживали народности, обобщённо именовавшиеся *мань* 蠻, и основали там удел У, ставший впоследствии царством.

Верность Чжоу должна была оставаться неколебимой, ведь от неё зависела безопасность западных и юго-западных границ царства Шан. Прошли десятилетия, был получен «мандат Неба», вновь укрепилась чжоуская коалиция, возглавляемая сыном Цзи Цзи-ли, Цзи Чаном. Этот лидер стал лицом чжоуской коалиции, с ним договаривались, к нему приходили на приём, он становился альтернативным Шан центром власти. Вот как описывает предшествующую аресту ситуацию Сыма Цянь в «Основных записях [о деяниях дома] Чжоу», 4-й главе *Ши цзи* («Исторических записок»):

[Когда] Гун-цзи умер, ему наследовал его сын Чан, это и был Си-бо («Повелитель Запада»). Си-бо, названный [позднее] Вэнь-ваном, следовал деяниям Хоу-цзи и Гун-лю, брал за образец установления Гу-гуна и Гун-цзи, был неизменно милосерден, чтит старых, заботился о малых, уважал мудрых и склонялся перед ними. [Он] целыми днями принимал служилых, не имея времени на еду, и поэтому служилые в большом числе шли под его руку. Бо-и и Шу-ци, которые жили в Гучжу, услышав о том, с какой любовью Си-бо печётся о старых, отправились [в Чжоу] и покорились ему. Тай-дянь, Хун-яо, Сань И-шэн, Юй-цзы, сановник Синь-цзя и другие — все отправились [в Чжоу] и покорились Си-бо.

Чун-хоу Ху оклеветал Си-бо перед иньским Чжоу[-синем], сказав: «Си-бо творит добрые дела, множит добродетели, и владетельные князья все устремляются к нему, что сулит вам, государь, беду». Император Чжоу[-синь] заточил тогда Си-бо в Юли.

(Пер. Р.В. Вяткина; [Сыма Цянь, т. I, с. 182])

Напомню, что указанное привлечение союзников и сторонников происходило до ареста и окончательного разрыва отношений между Шан и Чжоу, происшедшего после освобождения Си-бо из темницы в Юли, то есть в то время, когда Цзи Чан ещё не чувствовал себя в силах полностью порвать с Шан.

И вот, человек, о мудрости которого потомки слагали легенды, оказывается в пределах досягаемости — фактически, в руках — своего врага. Что же заставило его явиться в Шан? Недооценка решительности или осведомлённости шанского *вана*? Вряд ли. Согласно позднейшим чжоуским источникам, у Чжоу-синя уже тогда была репутация человека, от которого можно было ожидать чего угодно: на недостаток же осведомлённости можно хоть как-то рассчитывать, если речь идёт о конкретном событии, а не о долгосрочном политическом курсе. И всё-таки Си-бо явился ко двору Чжоу-синя, предос-

тавив последнему прекрасную возможность обезглавить сильнейшего военно-политического конкурента в данном регионе.

На мой взгляд, приезд Цзи Чана ко двору шанского вана стал результатом политической интриги. Для Цзи Чана была приготовлена ловушка, и, рискнув приехать, он попал в неё. Следы этой ловушки можно, как мне представляется, обнаружить в другом варианте описания этих же событий, содержащемся не в 4-й, а в предыдущей, 3-й главе «Исторических записок» Сыма Цяня. Описание очень краткое, поэтому приведём его полностью:

Байсины роптали, [обманутые в своих] ожиданиях, а некоторые из князей восстали, поэтому Чжоу усилил наказания и казни, введя пытку огнём. Си-бо Чана, Цзю-хоу и Э-хоу он сделал тремя гунами. Цзю-хоу имел красавицу-дочь, которую он ввёл [во дворец] Чжоу[-синя]. Но дочь Цзю-хоу не любила распутства, и Чжоу, разгневавшись, убил её, а затем разрубил Цзю-хоу на куски. Э-хоу соперничал с Чжоу в силе, в спорах был острее, [Чжоу убил его] и завялил [тело] Э-хоу. Си-бо Чан, услышав об этом, тайком стал вздыхать. Чун-хоу Ху узнал про это и донёс Чжоу[-синю]. Чжоу заточил Си-бо в Юли.

(Пер. Р.В. Вяткина; [Сыма Цянь, т. I, с. 175–176])

На мой взгляд, причиной приезда и гарантией безопасности было присвоение Цзи Чану, наряду с двумя шанскими сановниками — Цзю-хоу и Э-хоу, титула *гуна*. В *Чжу шу цзи нянь*, «Бамбуковых анналах», утверждается, что титул *гуна* был присвоен Цзи Чану и шанцам при воцарении Чжоу-синя, но приведённое выше описание из *Ши цзи* Сыма Цяня позволяет предположить, что это было не так.

Обратимся к последовательности событий.

1. Ропот, восстания и связанное с этим усиление наказаний.

В Шан нарастало недовольство Чжоу-синем и его политикой. Оно заходило так далеко, что иногда принимало даже форму открытого бунта князей. То есть ситуация была далека от стабильной — сами шанцы не хотели мириться с произволом Чжоу-синя (по крайней мере, так утверждает опирающийся на чжоуские источники Сыма Цянь). Сам же Чжоу-синь якобы погряз в гордыне. Концентрированным её выражением стало использование титула *ди* 帝³ приме-

---

³ Так обозначался дух усопшего царского предка, наделённый качествами мироустроительного божества, получающий жертвы, ниспосылающий благодать и входящий в близкий круг высшего божества шанцев Шан-ди.

нительно к живому и действующему правителю — Чжоу-синю, которого именовали также Ди-синь.

2. Введение пытки огнём связано по времени с подавлением бунтов и усилением карательной политики. Не исключено, что этот вид пытки применялся как раз к бунтарям и мятежникам.

3. Цзи Чан, Цзю-хоу и Э-хоу получили титулы *гун*. Это чрезвычайно интересный момент, который полностью противоречит как тенденции к концентрации власти в руках правителя, так и жёсткому подавлению недовольных, обрисованных в первых двух пунктах. Ведь *гун* в Шан — это не просто титул, это не чиновник, власть *гуна* сравнима с властью самого правителя, фактически *гуны* могут выступать в качестве соправителей. Случайность в присвоении титула *гуна* исключена. А вот в характере имевшей место неслучайности следует разобраться.

Одним из трёх *гунов* был назначен Цзи Чан. Чжоуская историография почти полностью игнорирует этот, казалось бы, выигрышный факт — ведь получается, что Чжоу-синь сам признал достоинства Цзи Чана и возвысил его. Но нет, Цзи Чана именуют не *гуном*, а Си-бо, Правителем Запада (хотя на позднейшей иерархической лестнице *гун* стоит выше *хоу* и, тем более, *бо*) и в более поздний период — Вэнь-ваном. Может быть, чжоусцы считали неприемлемым для себя сам титул *гун*? Вовсе нет, сына Вэнь-вана, Цзи Дая, неизменно называют «чжоуским *гуном*», Чжоу-гуном. Его — да, а Цзи Чана, вполне официально получившего титул *гуна* от шанского *вана* — нет. Складывается впечатление, что *гуном* Цзи Чан безусловно был, но в то же время как бы и не был, а вот Си-бо, Правителем Запада, и Вэнь-ваном, Царем просвещённым, был определён.

Такая «нелюбовь» к обозначению титулом *гун* данного человека коренится, на мой взгляд, как раз в том, что упомянутое назначение *гуном* стало приманкой, при помощи которой Чжоу-синь заманил Цзи Чана в ловушку. Получить титул и инсигнии *гуна* можно было только из рук *вана*. Узнав о своем назначении *гуном*, Цзи Чан оказался практически лишён выбора: отказ принять титул был бы оскорблением шанского *вана* и повлёл бы если не полный разрыв, то наверняка серьёзное ухудшение отношений с Шан, а это могло поставить недостаточно ещё окрепшее Чжоу в трудное положение.

С другой стороны, велик был соблазн рискнуть и поехать — в надежде на то, что Чжоу-синь осознал пагубность своего поведения и пытается создать, говоря современным языком, широкую коали-

цию для достижения политической стабильности, согласившись даже на допущение оппозиции к власти. Я не зря говорю об оппозиции — в принадлежности Цзи Чана к внешней оппозиции усомниться трудно, а принадлежность двух *хоу*, также получивших титул *гуна*, к внутренней, шанской оппозиции правлению Чжоу-синя представляется мне весьма вероятной. Оба назначенных *гунами* шанских *хоу*, как оказалось, были вовсе не придворными лизоблюдами Чжоу-синя, но людьми достаточно независимыми, способными противопоставить себя правителю, а один из вновь назначенных *гунов*, как следует из приведённого выше фрагмента, осмеливался даже в чём-то соперничать с Чжоу-синем. Иметь таких людей чуть ли не в качестве соправителей, терпеть их, считаться с ними — всё это не складывается в тот образ Чжоу-синя, который известен нам из более поздних описаний (даже если учесть предвзятость и схематичность этих описаний, какую-то основу под собой они всё-таки имели). Скорее всего, это назначение преследовало какую-то разовую цель, о чём свидетельствует и тот факт, что, согласно обвинениям в адрес Чжоу-синя со стороны чжоуских историографов, позднее он опирался на людей недостойных, но покорных — приближать-то он их приближал, а вот *гунами* делать не торопился...

4. Казнь Цзю-хоу и Э-хоу. Как и в случае с Цзи Чаном, титул *гуна* кажется применительно к ним чем-то иллюзорным. Сыма Цянь сообщает, что оба *гуна* противоречили Чжоу-синю, чем вызвали его неудовольствие и, как следствие, были им с особой жестокостью убиты, причём практически одновременно и без предъявления сколько-нибудь обоснованных обвинений.

Указанные Сыма Цянем причины казни просто смехотворны: не любящая распутства дочь у одного и сочетание интеллектуальных и физических достоинств у другого. Это не причины, в лучшем случае поводы. Уже то, что оба шанских *гуна*, противоречивших Чжоу-синю, были уничтожены практически без предъявления обвинений, свидетельствует о том, как мало считался с ними и с остальным своим окружением Чжоу-синь. А если он не намеревался терпеть их, так зачем возвысил? Если Чжоу-синь с такой лёгкостью решился на их казнь, зачем ему вообще понадобилось назначать этих малосимпатичных людей *гунами*? Ответ лежит на поверхности. Казнённые *гуны* были для Чжоу-синя всего лишь разменными фигурами в Большой игре, его истинной целью был недостижимый иными путями лидер внешней оппозиции — чжоуский Цзи Чан. Если оба казнённых *гуна*, бывшие до этого носителями титула *хоу*,

пользовались в Шан некоторой популярностью — об одном из них, соперничавшем с Чжоу-синем, это можно сказать достаточно определённо, — то назначив их *гунами*, Чжоу-синь получил возможность заманить Цзи Чана (фактически использовав для этого их авторитет), а казнив их затем, уничтожил потенциальных лидеров, способных возглавить или подкрепить своим авторитетом недовольство проводимой им политикой. О том, как болезненно он относился к любой критике, известно из хрестоматийного примера с Би-ганем (см. ниже). Скорее всего, эти два *хоу* были обречены с самого начала, и как только потребность в них миновала — Цзи Чан приехал в ставку *вана*, шанские *гуны* стали не нужны и были казнены. То есть Цзи Чана просто заманили в мышеловку, кусочком сыра в которой был титул *гуна*, а своего рода гарантией безопасности были представлены два обречённых на скорую смерть противника Чжоу-синя. Чжоу-синь же смог убить одним выстрелом сразу несколько зайцев: на время усмирить недовольных, назначив *гунов*, а затем расправиться с лидерами оппозиции, которые, в свою очередь, послужили прианкой для чжоуского Цзи Чана.

5. Донос Чун-хоу Ху и арест Цзи Чана. Согласно Сыма Цяню, Цзи Чан «тайком стал вздыхать», Чун-хоу Ху донёс на него, обвинив в сочувствии казнённым *гунам*, и Цзи Чан был брошен в тюрьму. Судя по тому, что Цзи Чан печалился о судьбе казнённых *гунов*, с ними расправились сразу же или вскоре после того, как Цзи Чан приехал в ставку шанского *вана*, — иначе, узнав о судьбе других *гунов*, он вряд ли рискнул бы оказаться в пределах досягаемости для Чжоу-синя, да и причина для отказа явиться была бы ясной и несомненной. Когда Цзи Чан осознал сложившуюся ситуацию, он был уже в положении почётного пленника. И началась пытка ожиданием — неизбежного ареста и казни. Ожидание ареста страшнее самого ареста, а Цзи Чана арестовали не сразу — у него было время «тайком повздыхать».

Но Цзи Чан использовал это время не только для «вздохов» — он и успел выработать линию защиты (и сделал это, скорее всего, заблаговременно, ещё до отъезда из Чжоу), и смог реализовать её, избрав единственно возможным вариант, позволявший хотя бы на время оттянуть если не арест, то казнь, — но об этом чуть ниже, а пока о «вздохах». Если *гуны* не были заговорщиками или мятежниками, — а такое обвинение им не предъявлялось, — то сочувствие им, тем более выражавшееся всего лишь в тайных вздохах, не настолько большой грех, чтобы за него бросить в темницу вождя формально союзного и достаточно сильного владения. Так за одни ли

«вздохи» пострадал Цзи Чан (если верить версии «Основных записей [о деяниях дома] Инь»)? И только ли за всего лишь чрезмерное усиление Чжоу (если верить версии «Основных записей [о деяниях дома] Чжоу»)? Позднейшие историографы явно ощущали здесь какую-то недосказанность, неясность ситуации, и, скорее всего, как раз поэтому Сыма Цянь решил воспроизвести в смежных главах существенно различающиеся версии предыстории ареста Цзи Чана. Попробуем понять логику происходившего и восстановить недостающие в скупом описании Сыма Цяня звенья.

Итак, почему Цзи Чан отправился в ставку шанского *вана*? На мой взгляд, у Цзи Чана просто не было выбора. К тому времени уже состоялось великое схождение планет в мае 1059 г. до н.э., чжоусцы устроили в свою избранность Небом и усиленно вербовали себе сторонников для похода на Шан. В этом контексте шанский правитель Чжоу-синь сделал беспроигрышный, казалось бы, ход: объявил, что присваивает ранг *гунов* трём лидерам внутренней и внешней оппозиции — двум шанским владетельным князьям-*хоу* и чжоускому правителю Цзи Чану. Полагаю, что Цзи Чан ни минуты не сомневался в том, что это ловушка, но и отказаться поехать в ставку шанского *вана* он не мог. Такой отказ если не стал бы для него полным крушением всех политических планов, то чрезвычайно затруднил их выполнение. Отказавшись принять инсигнии *гуна*, он ставил под сомнение свой статус лица, облечённого доверием и поддержкой Неба, и от него отвернулись бы колеблющиеся, а в самом худшем случае всё Чжоу стало бы посмешищем в глазах соседей. Логика здесь простая: если вы говорите, что вам, чжоусцам, оказал доверие и поддерживает сам Шан-ди, то что же вы не берёте власть, которая сама идёт к вам в руки? Ведь достаточно съездить в ставку шанского *вана* и получить инсигнии *гуна*, второго после *вана* титула в тогдашней ойкумене. Если не едете — значит, боитесь, а чего вам бояться, ведь вы говорите, что вас поддерживает сам Шан-ди? Значит, вы и сами не очень-то верите в эту поддержку Шан-ди и свою избранность? И ваши призывы следовать проводимой Чжоу политике, поскольку она отражает волю Неба, — всего лишь обман?

По такой логике, а она обязательно была бы использована в шанской пропаганде, отказ явиться ко двору *вана* для получения инсигний *гуна* становился для Цзи Чана поражением ещё до начала похода против Шан, крахом его желания отомстить за отца и гибелью надежд на величие Чжоу. Поэтому Цзи Чан отправился в ловушку, но подстраховался и смог вырваться из уже захлопнувшегося, казалось бы, капкана: он симулировал сумасшествие.

Возможно, некоторые меры для этого были предприняты им заранее. Скорее всего, по прибытии во дворец шанского *вана* он немедленно начал демонстрировать признаки безумия, иначе он рисковал не оказаться в темнице, а разделить судьбу двух других *гунов*. Приемлемое для шанской аристократии основание для такой казни имелось — живой свидетель, Чун-хоу Ху, готов был подтвердить обвинение, каким бы оно на самом деле ни было. Но простой и эффективный план Чжоу-синя спутало «безумие» Цзи Чана. Убивать безумцев, считавшихся отмеченными высшими силами, в древних обществах было не принято. Тем более, это безумие, оказавшись оно непритворным, открывало для Чжоу-синя большие возможности по ослаблению Чжоу — следовало только убедиться, что Цзи Чан действительно безумен.

Прямо о симуляции сумасшествия Цзи Чаном источники не упоминают, однако в них содержится достаточно косвенных свидетельств, говорящих в пользу этого предположения. Например, в дошедшей до нас цитате из «Записей о древней и новой музыке» говорится: «Вэнь-ван был заточён в Юли. Тайдянь, Хун Яо, Сань Ишэн и Наньгун Ко отправились навестить Вэнь-вана. Вэнь-ван сощурил правый глаз, как бы говоря, что Чжоу-синь любит красавиц, погладил себя по животу, давая этим понять, что Чжоу-синь любит драгоценности, затопал ногами, приказывая им поторопиться. Тогда они отправились в разные стороны, чтобы найти всё это и поднести Чжоу-синю» (цит. по: [Юань Кэ, МДК, с. 346, прим. 13]). Почему было не сказать прямо? Ведь в предложении выкупа не ничего зазорного. А вот если встреча проходила под наблюдением охраны и нужно было сообщить сторонникам свою просьбу, не выходя из роли безумца, — тогда всё правильно.

В пользу предположения о симуляции безумия говорит и интересующий нас случай, связанный с Бо И-као. Согласно традиции, для того, чтобы окончательно удостовериться в мудрости Цзи Чана, Чжоу-синь подверг его психику чрезвычайно жестокому испытанию. По преданию, был убит его старший сын и наследник Бо И-као, из плоти убитого приготовили кушанье, и Цзи Чану было предложено отведать, сказав, из чего именно сварен этот суп. Испытание более чем жестокое, которое трудно назвать иначе, как психологической пыткой. Вероятно, Чжоу-синь полагал, что пройти через это без проявления соответствующих эмоций сможет только безумный. Цзи Чан смог выдержать это испытание, ничем себя не выдав. У Хуанфу Ми в *Ди Ван ши цзи чжу* говорится, что, узнав о результатах такой проверки, Чжоу-синь воскликнул: «Кто сказал, что Си-бо мудрец? Он съел суп из собственного сына и даже не заметил этого!» (цит. по: [Юань

Кэ, МДК, с. 346–347]). Отметим, что таким образом вряд ли можно проверить мудрость, но зато вполне проверяется вменяемость.

Окончательно в невменяемости Цзи Чана шанскому *вану* удалось убедиться во время приёма, устроенного для «безумного» чжоуского вождя. Вот как это описано у Сыма Цяня в «Основных записях [о деяниях дома] Инь»:

Хун-яо и другие слуги Си-бо нашли красивую девушку, редкостные изделия и добрых коней и поднесли Чжоу[-синю], тогда Чжоу помиловал Си-бо.

Си-бо, выйдя [из заключения], поднёс [Чжоу] земли к западу от реки Ло и за это просил отменить пытку огнём. Чжоу дал согласие на это и пожаловал [Чану] лук, стрелы, боевой топор и секиру, предоставив ему право проводить карательные походы и присвоив [ему титул] Си-бо — «Предводитель Запада».

После этого [Чжоу] привлёк Фэй-чжуна к управлению. Фэй-чжун был искусным льстецом, корыстолюбцем, [поэтому] иньцы не любили его. Чжоу[-синь], кроме того, привлёк Э-лая. Э-лай умело прибегал к наговорам и клевете, по этой причине владетельные князья ещё более отделились [от Чжоу-синя].

(Пер. Р.В. Вяткина; [Сыма Цянь, т. I, с. 176])

И далее в «Основных записях [о деяниях дома] Чжоу»:

Горюя о Си-бо, Хун-яо и другие [его приближённые] нашли красавицу в роде Ю-синь, разномастных скакунов у [племён] *лижунов*, девять четвёрок лошадей у *ю-сюнов* и другие редкостные изделия и через любимца правителя Инь — Фэй-чжуна поднесли всё это Чжоу[-синю]. Чжоу очень обрадовался и сказал: «Одного такого дара достаточно, чтобы освободить Си-бо, а тут даров так много?» — после чего помиловал Си-бо, пожаловал ему лук, стрелы, боевой топор и секиру, предоставив Си-бо право проводить карательные походы. [Чжоу-синь] сказал: «Это Чун-хоу Ху оклеветал Си-бо». Си-бо поднёс [Чжоу-синю] земли к западу от реки Ло и просил его отменить пытку огнём. Чжоу[-синь] согласился на это.

(Пер. Р.В. Вяткина; [Сыма Цянь, т. I, с. 182])

В описаниях состоявшейся аудиенции можно выделить следующие основные моменты:

1. Поднесение щедрых даров Чжоу-синю.
2. Аудиенция и помилование Цзи Чана.
3. Дарение Цзи Чаном Чжоу-синю «земли к западу от реки Ло».
4. Отмена «пытки огнём».

5. Пожалование Цзи Чану «лука, стрел, боевого топора и секиры, предоставление ему права проводить карательные походы» и присвоение Цзи Чану титула Си-бо — Правитель Запада.

Рассмотрим каждый из них подробнее.

1 и 2. Поднесение щедрых даров Чжоу-синю, аудиенция и помилование Цзи Чана

Чжоу-синь был очень заинтересован в том, чтобы освободить Цзи Чана, в чьё «безумие» он поверил. Взглянем на ситуацию глазами Чжоу-синя. Во-первых, сумасшедших в Шан убивать было не принято. Так, согласно *Хуайнань-цзы*⁴, впавший в немилость шанский сановник Ци-цзы 箕子, узнав о судьбе пытавшегося увещевать Чжоу-синя мудреца Би-ганя 比干, которому по приказу его племянника-вана вырезали сердце, имитировал безумие, распустил волосы, стал изображать раба и тем избежал казни — он был посажен в темницу (как и Цзи Чан) и позднее освобождён вступившими в столицу Шан чжоускими войсками. Во-вторых, безумный Цзи Чан мог оказаться очень полезен шанцам именно живым — и на свободе, в Чжоу. Его безумие должно было показать, что и декларируемая избранность Чжоу Небом — всего лишь ещё одно проявление этого безумия. В-третьих, оказавшись на свободе, Цзи Чан становился источником безумных распоряжений для своих подданных, причём шанцы явно желали, чтобы такие распоряжения носили военный характер, для чего Чжоу-синь, фактически разжаловав Цзи Чана из *гунов*, тут же дал ему титул Си-бо, Повелитель Запада, больше напоминающий дурацкий колпак, подарил символ власти — секиру, дающую право казнить и миловать, и прямо подтолкнул мнимого безумца к военным авантюрам — даровал право самостоятельно совершать карательные походы. Будь Си-бо на самом деле безумен, такая «милость» *вана* могла уже в ближайшей перспективе серьёзно подорвать авторитет и мощь Чжоу, сделать Си-бо центром противоречий внутри самого Чжоу и кто-то из чжоусцев мог начать искать опору за пределами Чжоу — скорее всего, в Шан. О чжоуских претензиях на верховенство тогда можно было бы не вспоминать — абсурдность подобных притязаний не нуждалась бы в комментариях. В этом случае небесные знамения в западном секторе можно было бы трактовать как предупреждения, которым не внял безумный

---

⁴ «Ванцзы Би Гань не то чтобы не знал, что Цицзы распустил волосы и притворился безумцем, чтобы спасти свою жизнь, однако нашёл удовлетворение в прямом поведении, в высшей преданности и умер за это» (пер. Л.Е. Померанцевой; [Хуайнаньцзы, с. 171]).

вождь Чжоу. Так что «полезного сумасшедшего» Цзи Чана следовало непременно отпустить и отправить в Чжоу — пусть не совсем психически здоровым, но вполне живым и деятельным.

Тем не менее инициативе освобождения лучше было исходить от чжоусцев, чтобы заинтересованность в этом самого Чжоу-синя была не слишком уж очевидной. В «Основных записях [о деяниях дома] Чжоу» упоминается Фэй-чжун, приближённый Чжоу-синя, через которого шанскому *вану* и были поднесены щедрые дары. Осмелюсь предположить, что несколько ранее тот же Фэй-чжун — с ведома и разрешения Чжоу-синя — сам обратился к чжоусцам с предложением исходатайствовать освобождение их вождя в обмен на подарки. Косвенным подтверждением этому служит последующее возвышение Фэй-чжуна, о чём говорится в «Основных записях [о деяниях дома] Чжоу». Если бы, испрашивая помилование для Цзи Чана, Фэй-чжун действовал по собственной инициативе или из-за подкупа чжоусцами, то после освобождения Цзи Чана, когда стало ясно, что его «безумие» — просто притворство, судьба Фэй-чжуна была бы весьма печальной. И наоборот, если Фэй-чжун всего лишь выполнял тайное поручение Чжоу-синя, то вины на нём нет. Мало того, возвышение Фэй-чжуна могло быть своего рода ответом тем шанским аристократам, кто, не будучи посвящён в планы Чжоу-синя, мог начать требовать наказания Фэй-чжуна, благодаря которому враг шанцев Цзи Чан оказался на свободе.

В цитате из «Записей о древней и новой музыке» описано, как Цзи Чан сам намекнул посетившим его в заключении чжоусцам, что Чжоу-синю следует поднести дары. Однако достаточно разумный и предусмотрительный правитель, каким на самом деле был Чжоу-синь, вряд ли польстился бы на подношение, ценой которого могла стать кровопролитная война с чжоуской коалицией, при том что основная шанская армия вела в то время войну против «восточных варваров» *и* 夷. Подыгрывая чжоусцам, Чжоу-синь мог изобразить глупую жадность, но, несомненно, имел собственные причины освободить Цзи Чана. А если при этом можно ещё и получить от чжоусцев обильные дары, то есть совместить полезное с приятным, — то к чему отказываться? Упорное же повторение рассказа о взятке чжоусцев Чжоу-синю есть следствие того, что после покорения Шан эта версия стала удобной и самим чжоусцам. Она позволяла посмеяться над «недалёким» Чжоу-синем, попавшим на крючок собственной глупой жадности, и «забыть», что для сохранения жизни будущему Вэнь-вану пришлось имитировать безумие и пройти жестокое испытание на вменяемость.

Цзи Чану была дана аудиенция у правителя Шан, в ходе которой он был помилован и обласкан им. Примечателен уже сам факт аудиенции. Помилованный Цзи Чан мог быть передан чжоусцам и выслан за пределы Шан без всякой аудиенции у правителя, но этого не случилось. И чжоуские дары, и помилование были лишь предпосылками для аудиенции, в ходе которой Чжоу-синь попробовал решить насущную для Шан проблему — ослабление Чжоу, обернув такое событие, как безумие Цзи Чана, в свою пользу. Реальное наличие этого безумия лежало в основе всего замысла, без него план Чжоу-синя не только терял смысл, но и оборачивался против самих шанцев. Поэтому перед началом реализации этого плана Цзи Чану был предложен суп, сваренный из Бо И-као.

3. Дарение Цзи Чаном Чжоу-синю «земли к западу от реки Ло»

В обеих главах *Ши цзи* упоминается о том, что при помиловании Цзи Чан подарил Чжоу-синю «земли к западу от реки Ло», что вызывает недоумение. Так, китайский историк Лян Юй-шэн в *Ши цзи чжи* и задаёт вопрос: «К западу от реки Ло лежали коренные земли Чжоу-синя, так почему же Вэнь-ван (Си-бо) дарил их?» (цит. по: [Сыма Цянь, т. I, стр. 297, прим. 111]). «Подарив» Чжоу-синю его же собственные земли, Си-бо ещё раз продемонстрировал своё «безумие», но не только. Здесь мы видим тот вариант маски безумия, который был выбран для своего спасения Цзи Чаном, а это даёт возможность понять, предъявления каких именно обвинений он избегал своим притворством.

Для оправдания своего поведения Цзи-чан не мог выбрать произвольную маску безумца, ведь именно выбранная им модель безумия должна была дезавуировать его предшествующее «преступное» поведение и, в конечном счёте, сохранить ему жизнь. Его действия в рамках выбранной модели должны были показать всем и каждому, что всё предшествующее было не преступлением и не следствием злого умысла, а всего лишь конкретной формой проявления душевной болезни. Так, если бы «безумием» прикрывалось сочувствие к казнённому *гунам*, то самым простым, лежащим на поверхности способом оправдания, была бы такая позиция, когда «безумец» жалеет всё без разбора — курицу в супе, примятую травинку, съеденного птицей жука, ну и казнённого *гуна* тоже. То есть жалость должна быть доведена до абсурда — при этом она перестаёт быть жалостью и становится частью безумия.

Какую же маску надел Цзи Чан, какую роль он выбрал? Пожалование уделов — тем более, исконно шанских земель, — это функция

шанского *вана* и никого другого. Итак, Цзи Чан играл роль безумца, вообразившего себя *ваном*! Логично предположить, что и до ареста Цзи Чан должен был как-то обозначить свои «безумные» претензии на верховную власть — «награждать» и отбирать «награды», «качать», «жаловать», чертить и комбинировать гексаграммы, что-то безумное «приказывать», «раздавать уделы»... Кстати, сюда хорошо вписывается и проявление жалости к казнённым *гунам*, но — по специфически «безумной» причине.

Вряд ли можно сомневаться, что сведения о психическом нездоровье чжоуского правителя были заранее направлены шанцам и во время визита какая-то часть свиты «подыгрывала безумцу», а какая-то лишь печально вздыхала и качала головой. Если бы их игру раскрыли, то живым не ушёл бы никто, — и так пострадавшие из числа чжоусцев, вероятно, были (тот или те, кто впоследствии получил имя Бо Икао, о чём ниже). Хотя по указанным выше причинам Цзи Чан не мог не явиться к Чжоу-синю, идти на верную смерть он не собирался. Имитация душевного заболевания была в той ситуации практически единственным способом сначала отсрочить казнь, а со временем и обернуть замысел шанского *вана* против самого создателя ловушки. Что и было с блеском проделано Цзи Чаном.

4. Отмена «пытки огнём»

То, что Цзи Чану угрожали смертной казнью, явствует из его просьбы отменить «пытку огнём». Эта пытка — *пао ло* 炮烙 или *пао э* 炮烙 — представляла собой близкий к сожжению вид мучительной казни. В *Ле нюй чжуань* сообщается, что «расположенный горизонтально медный столб намазывали жиром, а под ним разводили огонь, затем обвинённого в преступлении заставляли пройти по столбу, поскользнувшись, он падал на раскалённые угли» [Сыма Цянь, т. I, с. 296, прим. 105]. Вряд ли Цзи Чану грозили этим во время связанной с поминованием аудиенции. Возможно, его просьба отменить «пытку огнём» свидетельствует, что решение о казни было вынесено и доведено до его сведения ещё до аудиенции либо о нём сообщили в рамках проверки на вменяемость, и потому он мог опасаться казни в любой момент. Внешне картина выглядит так: воображая себя правителем, Цзи Чан иногда — в моменты просветления вспоминает, кто здесь истинный *ван*, и молит его об отмене «пытки огнём». Каковое послабление ему с удовольствием и предоставляется.

5. Пожалование Цзи Чану «лука, стрел, боевого топора и секиры, предоставление ему права проводить карательные походы» и присвоение титула Си-бо — Правитель Запада

Цзи Чан «подарил» Чжоу-синю «земли к западу от реки Ло». Примечательна реакция Чжоу-синя на такой «подарок». Если бы подобное позволил себе обычный заключённый, то это было бы на смешкой и Чжоу-синь просто обязан был бы продемонстрировать своё отношение к подобной наглости, — ну, скажем, велел четвертовать наглеца. Вместо этого Чжоу-синь жалуется Цзи-чану лук, стрелы, боевой топор и секиру (= право казнить и миловать), присваивает Цзи Чану титул Си-бо и даёт право самостоятельно проводить карательные экспедиции. Данные пожалования — кульминационный момент всего предприятия с освобождением «безумного» вождя Чжоу, которого явно подталкивают к ведению боевых действий. Это следует не только из характера даров (оружие и полномочия вести карательные походы), но и из дарованного титула — Си-бо, Правитель Запада. Запад — то место на небосклоне, где наблюдалось благоприятное для Чжоу схождение планет, позволившее Чжоу претендовать на избранность Небом и верховенство в Поднебесной. С точки зрения шанцев, титул звучит довольно издевательски, но ведь его цель — подогреть амбиции безумца, подтолкнуть его к военным действиям на западе, а там находятся владения Чжоу и союзников Чжоу. Цзи Чану был пожалован титул не Чжоу-бо, Правитель Чжоу, а Си-бо, то есть правитель всего Западного края. Вряд ли союзники Чжоу были бы готовы и рады признать безумного Цзи Чана собственным правителем — вот для этого-то ему и была пожалована секира и право самостоятельно совершать карательные походы. Руками безумного Цзи Чана шанский правитель хотел уничтожить чжоускую коалицию, ослабить само Чжоу. Соблазнительно думать, что в ходе аудиенции Цзи Чан мог понять замысел шанцев и подыграть Чжоу-синю, высказав обиды на союзников, — я-де правитель Запада, а они смеются и не хотят подчиняться... И тут же получить официальный титул Си-бо, секиру и право самостоятельно совершать карательные походы.

С учётом вышесказанного, умиляет содержащийся в *Люй ши чунь цю* (глава *Шунь минь*) рассказ о том, что «Чжоу[-синь], довольный службой Чана (sic! — С.Б.), приказал будущего Вэнь-вана именовать Си-бо и подарил ему земли в тысячу *ли*...» (цит по: [Сыма Цянь, т. I, с. 297, прим. 111]). В это можно легко поверить, — если подаренные Си-бо Цзи Чану шанским *ваном* земли находились на западе, неподалеку от чжоуских владений, и были землями союзников Чжоу.

Как бы то ни было, Цзи Чан выиграл этот поединок со смертью, обрёл свободу и противостояние Шан и Чжоу вступило в новую,

ставшую последней для Шан, стадию. Мы же возвратимся к «ужасной смерти Бо И-као».

Бо И-као 伯邑考 — странный персонаж, о котором не известно практически ничего, кроме имени и того, что по распоряжению Чжоу-синя из него сварили суп для проверки Цзи Чана на вменяемость. То, что он был старшим сыном Цзи Чана, комментаторы вывели из первого знака его имени: *бо* 伯, который означает в том числе «старший из братьев». Бо И-као упоминается в нескольких главах «Исторических записок» Сыма Цяня. Так, в главе 35 *Гуань Цай ши цзя* («Наследственные дома [владений] Гуань и Цай») сказано:

Старших и младших братьев У-вана от одной матери насчитывалось десять человек. Их мать звали Тай-сы, она была старшей женой Вэнь-вана. Их (Вэнь-вана и Тай-сы) старшего сына звали *бо* И-као, второго сына звали У-ван Фа... Единородных братьев от общей матери было десять человек, но лишь Фа и Дань оказались мудрыми, они во всём помогали Вэнь-вану, поэтому Вэнь-ван отказался (sic! — С.Б.) [передать власть] старшему сыну И-као, а сделал своим наследником Фа. Когда Вэнь-ван скончался, на престол вошёл Фа; это был У-ван; к тому же старший из братьев, И-као, ещё до этого умер (sic! — С.Б.).

(Пер. Р.В. Вяткина; [Сыма Цянь, т. V, с. 93])

Однако иероглиф *бо* 伯 означает не только «старший из братьев», но и «правитель». Мало того, он входит в титул Си-бо 西伯, Правитель Запада, которым был пожалован Цзи Чан. Не могло ли оказаться так, что среди чжоусцев Правителя Запада Си-бо называли сокращённо, просто *бо*, «правитель», «князь»? Такая утрата части названия в древнекитайских источниках — вещь вполне обычная. Например, не раз сталкивавшийся с этой особенностью при переводе «Исторических записок», Р.В. Вяткин отмечал:

«Однако следует иметь в виду, что в китайских именах и титулах допускаются аббревиатуры и вариации. Так, например, гуаньский князь Сянь может быть назван: Гуань-шу Сянь, Гуань-хоу Сянь, Гуань-шу и просто хоу Сянь. Со временем происходила утрата первоначального значения термина *родства или названия места, вернее, семантическое обесцвечивание их и превращение их в уже неотделимую часть имени или титула* (курсив мой. — С.Б.). Так, девятый сын Вэнь-вана первоначально поименован как Кан-шу Фэн, но позднее, получив пожалование в Вэй, стал именоваться вэйским Кан-шу. Подобная переходность и аббревиатуры создают известные

трудности для русской транскрипции» [Сыма Цянь, т. V, с. 251, примеч. 2].

Косвенным свидетельством в пользу этого предположения служит полная прозрачность смысла при таком прочтении знака *бо* и остальных входящих в имя Бо И-као знаков — вместо имени получается вполне осмысленная и соответствующая контексту фраза «тела [людей] из владений правителя», «тела соплеменников правителя». Отмечу, что знак *као* 考 не мог входить в имя живого человека, — в те времена, согласно данным эпиграфики, он означал умершего человека, чаще всего усопшего отца, душе которого предназначалась жертва.

Возможно, для выполнения проверки вменяемости Цзи Чана был казнён кто-то из сопровождавших его Чана лиц или же суп был сварен из чего-то ещё, но Цзи Чану сказали, что из его, княжеского, соплеменника (*бо* и *као*). Позднее знак *бо* стали понимать буквально как «старший из братьев», и Цзи Чан неожиданно «обрёл» старшего сына. Мы не знаем подробностей, но реальный человек с именем Бо И-као в те времена существовать не мог.

Сюжет второй: «Бо-и и Шу-ци: верность принципам дороже жизни»

Этот сюжет относится к той же исторической эпохе, что и предшествующий — ко временам додинастической Чжоу. Согласно конфуцианской традиции, его герои — два мудреца, всей своей жизнью доказавшие, что верность принципам для благородного мужа превышает даже самой жизни.

Широко известен афоризм Козьмы Прутков: «Специалист подобен флюсу: полнота его односторонняя» [Прутков, 1894, с. 98, № 101]. Афоризм этот как нельзя более подходит к изучению образов Бо-и и Шу-ци. Ещё Сыма Цянь в главе 61 «Исторических записок», так и названной «Жизнеописание Бо-и» (*Бо И ле чжуань*), указывал, что, хотя Бо-и и Шу-ци «были достойными людьми, их имена прославились только благодаря Учителю» (пер. Р.В. Вяткина; [Сыма Цянь, т. VII, с. 33]). И это действительно так. В.А. Рубин отмечал: «В противоположность другим героям начала Чжоуской династии, упомянутым в „Лунь-юй“, мы не обнаружили никакой информации о них в аутентичных текстах „Шу-цзин“. Впервые она появляется в „Лунь-юй“, но подробно их история изложена только в гл. LXI „Записок историка“» [Рубин, 1999, с. 96]. В *Лунь юе* имена Бо-и и Шу-ци встре-

чаются в четырёх афоризмах (V, 23; VII, 15; XVI, 12; XVII, 8⁵), из которых следует, что Конфуций относился к этим героям древности с высочайшим пиететом, считая их образцами для благородного мужа. Его последователи, начиная с Мэн-цзы (372–289 до н.э.), сравнивали с ними уже самого Конфуция, выводя обсуждение из области реальных событий и поступков в область моделей поведения и оценок правильности. В этой же области находится и критическое переосмысление этих образов у современника Мэн-цзы, Чжуан-цзы (369–286 до н.э.), не получившее, впрочем, большого распространения в условиях господства конфуцианского мировоззрения. Исторически сложилось так, что традиция связывать образы этих персонажей с конфуцианской доктриной дошла до наших дней. Поэтому вполне логично, что образам Бо-и и Шу-ци обращаются преимущественно исследователи и переводчики Конфуция, но обращения эти практически всегда сводятся к простому упоминанию этих персонажей с приведением лишь краткой справки о них (напр. [Переломов, 1998]). Единственным исключением стали две работы В.А. Рубина, исследовавшего конфуцианство как основу идеологии древнего Китая, — статья «Благородный муж и власть в классическом конфуцианстве» [Рубин, 1999, с. 93–109] и далее развившая её основные идеи статья «Китайский Дон Кихот: различные оценки образа Бо-и» [там же, с. 110–125]. Эти статьи содержат практически исчерпывающую сводку взглядов классической синологии на образы Бо-и и Шу-ци как конфуцианских героев, их роль предтеч благородных мужей, будь то находившихся на службе Сыну Неба, отринувших таковую из нежелания служить недостойным правителям, или даже обратившихся к Дао. При этом чисто историческим аспектам этих образов внимания практически не уделяется. Попробуем восполнить эту лауну.

---

⁵ Как отмечал В.А. Рубин, эта глава «почти полностью посвящена проблеме отказа от службы. Наряду с фактами собственного отказа от службы Конфуция, здесь описано множество личностей, которые также решили удалиться. Очевидно, что все эти примеры служат показу того, что такая форма протеста санкционируется традицией». И далее: «Ряд учёных выражает некоторые сомнения, которые касаются аутентичности этой главы. А. Уэйли писал, что по своему источнику содержание гл. XVIII не является конфуцианским, но проникло в неё из внешнего мира, мира, враждебного Конфуцию. Д. Ло приходит к выводу, исходя из ряда соображений, что эта глава, так же как четыре другие главы „Лунь-юй“, была написана позднее, чем большая часть глав памятника. Х.Г. Крил очень осторожно подходит к вопросу об аутентичности гл. XVIII, замечая, что некоторые из её пассажей, видимо, отражают даосскую мысль» [Рубин, 1999, с. 99].

Рассмотрим официальную версию биографии Бо-и и Шу-ци. Она приведена в главе 61, с которой начинается раздел «Жизнеописания» «Исторических записок» Сыма Цяня. Там говорится:

Бо И [и] Шу Ци были сыновьями правителя [царства] Гучжу. Отец хотел поставить [наследником] Шу Ци. Когда же отец умер, Шу Ци уступил [власть] Бо И. [Но] Бо И сказал: «Это не соответствует воле отца», — и сразу же удалился. Шу Ци тоже не захотел править и последовал за братом, [а] подданные возвели на престол среднего сына. Бо И [и] Шу Ци услышали, что Си-бо по имени Чан заботится о престарелых, и направились к нему. [Но] когда добрались туда, Си-бо уже умер, а У-ван, прихватив [поминальную] дощечку с титулом [отца] «Вэнь-ван», отправился на восток покарать [иньского] Чжоу [Синя]. Бо И [и] Шу Ци, остановив лошадь [вана], стали увещевать его: «[Когда] скончавшийся отец ещё не погребён, хвататься за щит и копьё — это ли зовётся сыновним благочестием? Убийство подданных государя — это ли зовётся человеколюбием?» Свита хотела зарубить их, [но] Тай-гун сказал: «Это люди долга». Их взяли под руки и увели. Когда же У-ван усмирил иньскую смуту [и] Поднебесная признала главенство Чжоу, Бо И [и] Шу Ци устыдились совершённого [чжоусцами] и из чувства долга и справедливости не стали есть чжоуский хлеб. Укрывшись на горе Шоуян, они собирали дикие травы и тем питались... Так они умерли от голода на горе Шоуян.

(Пер. Р.В. Вяткина; [СЦ, т. 7, с. 31–32])

Выделим реалии этого рассказа и попробуем совместить их с тем, что нам известно о событиях той эпохи. Значимыми представляются следующие моменты:

1. Бо-и и Шу-ци были сыновьями правителя царства Гучжу 孤竹.
2. Отказ от власти в царстве и уход из него.
3. Подданные возвели на престол царства Гучжу среднего сына.
4. Бо-и и Шу-ци услышали, что Си-бо по имени Чан заботится о престарелых, и направились к нему.
5. Когда добрались туда, Си-бо уже умер, а У-ван, прихватив поминальную дощечку с титулом отца «Вэнь-ван», отправился на восток покарать шанского Чжоу-синя.
6. Бо-и и Шу-ци, остановив лошадь *вана*, стали увещевать его.
7. Свита хотела зарубить их, но Тай-гун (Люй Ван) сказал: «Это люди долга». Их взяли под руки и увели.
8. Когда же У-ван усмирил иньскую смуту и Поднебесная признала главенство Чжоу, Бо-и и Шу-ци устыдились совершённого

чжоусцами и из чувства долга и справедливости не стали есть чжоуский хлеб.

9. Укрывшись на горе Шоуян, они собирали дикie травы и тем питались... Так они умерли от голода на горе Шоуян.

1–3. Бо-и и Шу-ци были сыновьями правителя царства Гучжу 孤竹. — Отказ от власти в царстве и уход из него. — Подданные возвели на престол царства Гучжу среднего сына.

Разберёмся с местом происхождения интересующих нас персонажей. Современные справочники помещают царство Гучжу на земли у берегов Бохайского залива, севернее Шаньдуна, в районе уезда Лулун и городского округа Таншань 唐山 в пров. Хэбэй. То есть в рассматриваемое время это была практически восточная оконечность шанской ойкумены, её самое удалённое от Чжоу место. Царство Гучжу было одним из тех малых государств-вассалов Шан, большинство из которых выступило спустя несколько лет, после смерти У-вана, на стороне шанского наследника У-гэна во времена мятежа «трёх верховных надзирателей» (о чём более подробно в следующем разделе этой статьи). Жителей тех мест, самих избравших себе вождей (см. п. 3), считали восточными варварами и называли *и* 夷. Отсюда возникает вопрос: а сколько братьев отказалось от престола в Гучжу? С учётом выявленного в предшествующем разделе чжоуского обычая именовать Си-бо (Повелителя Запада), просто *бо* 伯, т.е. «князь», можно предположить, что Бо-и и Шу-ци суть прозвище и имя одного и того же человека. Сочетание знаков *бо* и *шу ци* 伯夷叔齊, обычно воспринимаемое как имена двух человек, допускает и иное прочтение: *бо* 伯 «князь, княжеский», *и* 夷 «[восточный] варвар», *шу* 叔 «дядюшка», *ци* 齊 «Ци». Речь может идти о некоем «княжеском варваре [по имени] дядюшка Ци». Шу-ци, «дядюшка Ци», имя вполне заурядное, а вопрос, откуда взялось прозвище Бо-и, «княжеский варвар», я рассмотрю ниже.

4. Бо-и и Шу-ци услышали, что Си-бо по имени Чан заботится о престарелых, и направились к нему. Данное утверждение вызывает два вопроса: (1) зачем такая «забота» понадобилась «дядюшке Ци» — при том, что ему предлагали престол царства, и уж кому позаботиться о нём, нашлось бы на месте, без дальних путешествий, связанных с риском для жизни (войн без роста дорожного разбоя не бывает), и (2) как, собственно, «дядюшка Ци» сумел попасть с территории у берегов Бохая на противоположную оконечность ойкумены, в Чжоу? Попробуем ответить на них по порядку.

Вопрос о возрасте «дядюшки Ци» в источниках не поднимается, но он не так прост, как можно подумать, исходя из запроса на «заботу о престарелых». На момент ухода из Гучжу «дядюшка Ци» был относительно молод — только что скончался его отец, соответственно возраст «дядюшки Ци» на момент ухода можно оценить в 30–40 лет, вряд ли больше. Даже в те времена это возраст цветущего мужчины, а не глубокого старца, которого волнует поиск источника «заботы о престарелых». Подданные возвели на престол Гучжу его брата, и «дядюшке Ци» пришлось покинуть царство. Допустим, что он появился в Чжоу пожилым, т.е. спустя 10–20 или даже больше лет после ухода из Гучжу, — тогда что он делал все эти годы? Возможно, ответ на первый вопрос неразрывно связан с ответом на второй: как «дядюшка Ци» сумел попасть в Чжоу?

Обосновывая правомерность постановки этого вопроса, представим ситуацию на западных границах Шан ко времени смерти Цзи Чана, получившего посмертное имя Вэнь-ван, Царь Просвещённый. Уже более десяти лет Шан и Чжоу находятся в состоянии необъявленной войны. Основная армия Шан ведёт войну на востоке, имеющейся у Чжоу-синя армейской группировки едва хватает для прикрытия границ, тем более что на них неспокойно. Обе стороны проводят вылазки и засылают шпионов, достигнув в этом деле немалого искусства⁶.

Отступление первое: на кого охотился Вэнь-ван, или ещё раз о тотемах. Письменные источники, описывающие события времён противостояния Шан и Чжоу, нередко приводят перечисление животных, в некоторых случаях вполне определённо имея в виду группы людей, что позволяет соотносить такие группы с соответствующими животными как групповыми тотемами. Все тотемы можно разбить на две группы — первичные, соотносимые с реально существующими живыми и неживыми объектами (цапля, медведь, чуринга и т.п.), и синтетические, соотносимые с мифологическими животными, божествами и т.п. Нас интересуют вторые — именно они становятся символами надродовых объединений, будь то город,

---

⁶ Вспомним, например, как за века до рассматриваемого времени по всем правилам искусства разведки было выполнено, как сейчас сказали бы, «внедрение» шанского И Иня в Ся — и этот его подвиг был высоко оценён шанцами: из надписей на гадательных костях известно, что И Иню впоследствии приносили жертвы наряду с основателями шанской династии.

государство или какие-то специализированные объединения, например, воинский отряд. Вопрос о вторичных тотемах (это, к примеру, зооморфные и иные символы воинских отрядов времён, когда тотемизм уже ушёл в прошлое, но некоторые его традиции сохранились) я затрагивать не буду. В упомянутых перечислениях чаще всего можно найти указания на реально существующих животных. Так, приведённая в *Шан шу* («Книга истории», или «Книга документов») в главе *Му ши* 牧誓 речь У-вана, произнесённая им перед битвой войск чжоуской коалиции с шанским войском и ополчением в Муе, содержит такое перечисление:

勗哉夫子！尚桓桓如虎、如貔、如熊、如羆

Старайтесь, о мужи! Явите же свою воинственность, как [подобает] тиграм, как [подобает] барсам, как [подобает] чёрным медведям, как [подобает] бурым медведям...

О том, что это тотемы каких-то родоплеменных объединений, можно говорить достаточно уверенно, потому что такое предположение подтверждается археологическими находками. Так, археологам хорошо известен факт «внезапного» возникновения (в самом начале Западной Чжоу) и широчайшего распространения изображений хищников породы кошачьих (тигр, барс) на чжоуском оружии — клевцах и секирах. Изображения тигра или барса просуществовали на чжоуском оружии недолго («В целом это украшение не характерно для древнекитайских клевцов; оно внезапно появляется в начале Западного Чжоу и быстро исчезает» [Комиссаров, 1981, с. 49]), их исчезновение предположительно связано со становлением культа Неба, потеснившего позиции шанских тотемических божеств. Однако в интересующий нас период они были ещё в полной силе. Пережиток тотемических представлений можно найти в вошедшем в состав *Соу шиэнь цзи* 搜神记 («Записок о поисках духов», конец III — нач. IV в.) Гань Бао повествовании о вылазке Вэнь-вана к границе владений «на охоту»:

呂望釣於渭陽。文王出游獵，占曰：「今日獵得一狩，非龍，非螭，非熊，非羆。合得帝王師。」果得太公於渭之陽，與語，大悅，同車載而還。

Люй Ван ловил рыбу на северном берегу реки Вэй[хэ]. [Когда] Вэнь-ван отправился на охоту, гадание показало: «Сегодня на охоте будет добыча, [это] не [дракон] лун, не [безрогий дракон] чи, не [обычный] медведь, не бурый медведь. Встретишься с наставником

государя». Действительно, нашёл Тай-гуна [Люй Вана] на северном берегу реки Вэй[хэ], завязал разговор, [пришёл в] великую радость и возвратился в одной колеснице с найденным [наставником].

В перечислении «добычи» указаны два животных, являвшихся тотемами союзных Чжоу племён на момент сражения при Муе, и, как следует из речи У-вана, указание на тотем служило указанием на относящихся к нему людей. Но союзниками они стали позднее, а во времена Вэнь-вана люди этих тотемических объединений были достаточно обычной «добычей» (ибо были включены в перечисление возможных вариантов «добычи») во время «охот» (читай: приграничных рейдов). Косвенным свидетельством того, что речь идёт именно о людях, можно считать два момента: во-первых, в один ряд с «добычей» поставлен вполне определённо человек («наставник государя»), значит, и остальные варианты «добычи» — тоже, скорее всего, люди (что, кстати, и позволяет при перечислении не проводить разницы между мифическими, казалось бы, драконами и вполне реальными медведями); во-вторых, как уже упоминалось, первичным тотемом может быть только реально существующее существо или предмет. Дракон — тотем синтетический, химера, созданная соединением признаков различных существ, каждое из которых могло быть тотемическим символом того или иного рода или объединения родов. Таким образом, использование того или иного варианта дракона как символа воинского отряда могло указывать как на его принадлежность к Шан (любой дракон), так и на особенности этого отряда (например, его специализацию, дислокацию или входящий в него личный состав). Если это предположение имеет под собой реальную основу, то упоминание в качестве добычи просто «дракона» *лун* говорит о шанских воинах, а «безрогого дракона» *чи* — о воинах какого-то специализированного подразделения, возможно пограничной стражи, вспомогательных войск или учебного, скорее всего имевшего более низкий статус по сравнению с полноценными «драконами», — и упоминается вторым, и среди значений имеет: «самка дракона; детёныш дракона». В любом случае, этот вопрос требует дополнительного исследования.

Зная, что могла представлять собой «добыча» во время «охоты» (приграничного рейда) Вэнь-вана, попробуем понять, зачем ему понадобилось лично отправляться в эту достаточно опасную и непредсказуемую зону. Разумеется, чтобы встре-

титься с «наставником государя». Откуда же Вэнь-вану было знать, что в этом месте будет пребывать упомянутый наставник? Причём знать с абсолютной достоверностью, ибо он лично отправился встречать Люй Вана? Вариант с гаданием выглядит как отговорка для излишне любопытных («откуда знал, откуда знал — погадал!»), за что мы должны быть благодарны Вэнь-вану, ведь именно на этой отговорке и построена вся столь ценная для нас новелла Гань Бао.

Во-первых, Люй Ван появился в Чжоу, попав туда из-за его пределов — иначе Вэнь-вану не было бы нужды ехать в приграничную зону, рискуя встретиться с «драконами» и «медведями». Сидел, ловил рыбу — вполне очевидная отговорка как раз для «медведей» с «драконами», они здесь на чужой территории и в лицо местных рыбаков с северного (читай: чжоуского) берега не знают. Оснований опасаться появления чжоуского отряда у Люй Вана по понятным причинам нет. Скорее всего, кто-то (контрабандисты?) привез Люй Вана по реке на условленное место, высадил, дал удочку и велел ждать. А там и Вэнь-ван на колеснице подъехал и, поговорив, с великими почестями отвёз во дворец.

Во-вторых, а чем же был так ценен Люй Ван для Вэнь-вана? Согласно преданиям, Люй Ван работал на рынке мясником (хотя, по рассказам, на момент встречи с Вэнь-ваном ему уже исполнилось 70 лет). В чём он мог наставлять Вэнь-вана, а позднее и У-вана? В вопросах разделки мясных туш или иных повседневных делах — вряд ли. В делах ритуала? С именем Люй Вана ритуальную деятельность источники не связывают. Остаются дела гражданского и военного строительства и управления, и вот как раз в них-то Люй Ван считался знатоком — вероятно, он не всю свою жизнь рубил мясо на рынке. Если Люй Ван был опытным управленцем, да ещё и имеющим обширные связи среди шанской администрации различных уровней, — такой перебежчик, причём обиженный Чжоу-сином (вспомним про рубку мяса на рынке), мог стать ценнейшим приобретением для зарождающейся чжоуской государственности.

Для нас здесь важны следующие моменты. Вербовка и эвакуация Люй Вана говорит о возможном существовании засланной в Шан группы доверенных лиц, занимавшихся, как и все подобные группы во все времена, сбором сведений и распространением слухов, а также поиском тех, кто мог быть реально полезен Чжоу, и их переправкой по имеющимся кана-

лам (контрабандистов?) к Вэнь-вану даже в условиях существенного противодействия шанцев и их союзников («драконы» и «медведи»). Среди бежавших и добравшихся до Чжоу были Синь-цзя⁷, позднее, во времена У-вана, «[иньские] *тайши* Цы и *шаоши* Цзян, захватив с собой музыкальные инструменты, [используемые при жертвоприношениях], прибежали в Чжоу» (пер. Р.В. Вяткина; [Сыма Цянь, т. I, с. 184]). Самым же впечатляющим результатом подрывной деятельности стал мятеж войск против Чжоу-синя:

И хотя армия Чжоу-синя была многочисленной, но никто не хотел сражаться, все желали, чтобы У-ван скорее вступил [в столицу]. [Поэтому] войска Чжоу[-синя] повернули оружие и стали сражаться против него, открыв [путь] У-вану. [Когда] У-ван [с войсками] стремительно подошёл, иньская армия развалилась и взбунтовалась против Чжоу[-синя].

(Пер. Р.В. Вяткина; [Сыма Цянь, т. I, с. 184]).

У меня нет сведений, позволяющих утверждать, что мятеж был подготовлен и скоординирован чжоусцами и предателями из числа шанцев, а также их тайно перешедшими на сторону Чжоу вассальными князьями. Теоретически вероятность спонтанного выступления войск на стороне противника в ходе решающей битвы существует, но я считаю её крайне незначительной — ведь часть войск не просто бежала с поля боя, а обрушилась на шанские построения. Не исключая, что часть шанских аристократов и вассальных князей, видя хорошее отношение в Чжоу к перебежчикам (на примерах от Люй Вана до *тай-ши* Цы и *шао-ши* Цзяна), могла озаботиться своим будущим и вовремя переметнуться на сторону очевидного победителя, а посредником в переговорах выступали как раз Люй Ван и его доверенные лица.

В любом случае, война между Чжоу и Шан далеко превосходит конфликт двух владельцев уделов не только по масштабам, но и по сложности подготовки, предварительных действий и используемых приёмов. Можно сказать, что это был конфликт не племён и даже не государств, а цивилизаций.

---

⁷ «Синь-цзя служил иньскому Чжоу-синю, но так как последний не следовал его советам, бежал в Чжоу и был назначен на высокий пост» (пер. Р.В. Вяткина; [Сыма Цянь, т. I, с. 307, примеч. 27]).

Однако возвратимся к «дядюшке Ци» — невесть как попавшему в Чжоу беглецу из дальних восточных пределов, из вассального шанского царства Гучжу. В свете приведённого выше рассказа о Люй Ване слова «дядюшки Ци» о том, что его привлекла к Вэнь-вану «забота о престарелых», получают совсем иное звучание — «престарелый» Люй Ван стал наставником государя и, по-видимому, «дядюшка Ци» был также не прочь занять высокий пост. Поста он так и не получил, но остался приближен ко двору (иначе как бы он смог приблизиться к колеснице У-вана, когда тот отправился на войну?) в качестве инструмента пропаганды, «княжеского варвара». Рассмотрим этот момент более подробно.

Сыма Цянь в биографии Бо-и сообщает, что «дядюшка Ци» появился в Чжоу уже после смерти Вэнь-вана. Принявший бразды правления У-ван оказался перед необходимостью легитимировать не столько свою власть в Чжоу, сколько преемственность по отношению к Вэнь-вану в вопросах получения «мандата Неба». Требовалось подтверждение «мандата», какое-то событие, что-то достаточно однозначное и очевидное, что можно было бы продемонстрировать всем как «подтверждение мандата»⁸. Таким событием и стало появление в Чжоу «дядюшки Ци», варвара с восточной оконечности ойкумены. Скорее всего, появился он с какими-то экзотическими дарами — сужу по тому, что требование прибытия варваров с дарами стало ко временам Восточной Чжоу обязательным признаком того, что данный претендент в Сыны Неба избран таковым самим Небом. Явление варваров с дарами — маркер того, что мироустроительная сила *дэ* 德 претендента, наличие и совершенство которой обязательны для *вана*, уже достигла пределов Поднебесной. Вот тут появление «дядюшки Ци» оказалось к месту. Он стал наглядным подтверждением наличия и совершенства силы *дэ* 德 у У-вана, а потому и получил прозвище *бо* и 伯夷 «княжеский варвар».

На должность его не назначали, но держали при дворе. Вряд ли ему особо доверяли, всё-таки обстоятельства его появления в Чжоу не ясны, а граница между Шан и Чжоу в те времена была вовсе не проходным двором, да и происхождение из Гучжу, вассального государства Шан, с непроверяемой, скорее всего, биографией, особого доверия не вызывает. «Дядюшка Ци» был тем, кого впоследствии

---

⁸ Позднее таким подтверждением благостности правления, а значит, и угодности Небу стали считаться доклады о появлении «благовещих» зверей и птиц — *ци-линей*, *фэн-хуанов*, а также о нисхождении небожителей и т.п. Но от эпохи Вэнь-вана до этих бесстыдных времён ещё далеко.

будут называть «тёмной лошадкой», а то и «тихим омутом». Ситуация прояснилась, когда У-ван выступил в поход против Шан.

5–6. У-ван, прихватив поминальную дощечку с титулом отца «Вэнь-вана», отправился на восток покарать шанского Чжоу-синя. Бо-и и Шу-ци, остановив лошадь *вана*, стали увещевать его.

Броситься под двинувшуюся колесницу — это требует смелости. Ещё большая смелость требуется, чтобы преградить путь *вану*, поставившему в этой войне на кон жизнь свою и соплеменников. В личной смелости «дядюшка Ци» отказать невозможно. Если же судить по его речам, то может показаться, что говорит глупец или безумец. Сыма Цянь привёл очень кратко слова «дядюшки Ци» — это логично, пускаться в долгие рассуждения, сдерживая при этом колесницу, не получится. Да и У-ван вряд ли отличался долготерпением. Что же сказал «дядюшка Ци»? Согласно Сыма Цяню, было выдвинуто два аргумента: «[Когда] скончавшийся отец ещё не погребён, хвататься за щит и копьё — это ли зовётся сыновним благочестием? Убийство подданных государя — это ли зовётся человеколюбием?» Рассмотрим ход событий и аргументы «дядюшки Ци» подробнее.

Вероятность того, что «дядюшка Ци» действительно бросился под колесницу, я полагаю очень низкой — уже потому, что пришедшие в движение колесницы увещеваниями не остановить, а именно остановить выступление пытался «дядюшка Ци». С другой стороны, возможен разговор непосредственно перед выступлением, о котором можно образно сказать «буквально под колесницу бросился», а потом переосмыслить как имевший место факт.

В том, что «дядюшка Ци» нашёл возможность обратиться к У-вану, вряд ли можно сомневаться. Он всё-таки был приближён ко двору, и возможность обратиться напрямую к государю у него была. Приведённые им аргументы представляют собой конфуцианское переосмысление двух идей: (1) сначала исполни сыновний долг, потом уже войной и (2) негоже воевать против законного государя. Оба аргумента несостоятельны: война против Шан и была важнейшим сыновним долгом У-вана, для этого он возил с собой табличку с именем Вэнь-вана, а по некоторым данным, даже его тело в незахороненном гробу. И уж совсем нелепо после схождения планет в мае 1059 г. до н.э. утверждать, что Чжоу-синь является законным государем — когда Небо явно указало, что законный государь находится как раз на западных землях. Приведённый Сыма Цянем набор аргументов очень сдержан; на что способна пристрастная фантазия учёных мужей прошлого в этом вопросе, хорошо видно из диалога меж-

ду Бо-и и Шу-ци у Чжуан-цзы⁹, который я здесь приводить не буду в связи с его полной иррелевантностью к рассматриваемой теме.

Возвращаясь к «дядюшке Ци», выскажу осторожное предположение — не по своей воле затеял он этот разговор, и именно эта чужая воля предопределила его дальнейшую судьбу.

7. Свита хотела зарубить их, но Тай-гун сказал: «Это люди долга». Их взяли под руки и увели.

Реакция свиты вполне естественна — попытка заставить решительно настроенных людей, уверовавших в свою великую миссию, отказаться от неё по любым соображениям вряд ли могла закончиться хорошо. Примечательно, что остановил свиту не У-ван, а его наставник Тай-гун, тот же самый Люй Ван, с которым встретился Вэнь-ван у реки. Настоящим его именем было Цзян Цзы-я 姜子牙, и был он, судя по позднейшим отзывам, великим знатоком в области военного и государственного строительства, главным консультантом У-вана по военным вопросам. Именно он остановил стражу и сказал, вероятно поняв ту ситуацию, в которой оказался вынужденный идти по приказу на верную смерть «дядюшка Ци», что «это человек долга». Тот факт, что «дядюшка Ци» был проводником вовсе не чжоуских интересов, не укрылся от его внимания, но трогать его скорее всего не собирались, однако пришлось. И увели «дядюшку Ци» «поддерживая за руки» — скорее всего в ближайшую темницу.

8–9. Когда же У-ван усмирил иньскую смуту и Поднебесная признала главенство Чжоу, Бо-и и Шу-ци устыдились совершённого чжоусцами и из чувства долга и справедливости не стали есть чжоуский хлеб. Укрывшись на горе Шоюан, они собирали дикие травы и тем питались... Так они умерли от голода на горе Шоюан.

Мы подошли к заключительному этапу драмы с участием «дядюшки Ци». Здесь упоминается гора Шоюан 首陽. Переводчик Сыма Цяня, Р.В. Вяткин отметил: «Обычно считается, что гора Шоюан, где укрылись Бо И и Шу Ци, находится в совр. уезде Юнцзи пров. Шаньси, хотя горы с таким названием есть также в провинциях Ганьсу и Хэнань» [Сыма Цянь, т. VII, с. 304, примеч. 17]. Ссылка на сбор диких трав примечательна. Для их сбора нужно уходить в леса и горы, а вряд ли «дядюшку Ци» оставили без присмотра. Есть чжоуский хлеб он сам отказался, а в леса и горы поднадзорного не отпус-

---

⁹ См. пер. Л.Д. Позднеевой [Атеисты..., с. 292–293] и В.В. Малявина [Чжуан-цзы, Ле-цзы, 1995, с. 249–250].

кали... Скорее всего, последние годы его жизни были безрадостными. Когда же всякая надобность в нём после окончательной победы Чжоу отпала, а его заступник Люй Ван скончался, «дядюшку Ци» скорее всего просто уморили голодом.

Но у чжоуского правящего дома со временем появилась и ещё одна причина быть благодарным «дядюшке Ци», которого я считаю шанским разведчиком. Непреднамеренно создав прецедент «прихода варваров с дарами с границ Поднебесной» как маркер распространения в Поднебесной силы *дэ* 德 нового Сына Неба, он тем самым дал в середине VII в. до н.э. цискому Гуань Чжуну аргументы, удержавшие гегемона *ба-вана* Хуань-гуна от захвата власти в Поднебесной (см. подробно [Блюмхен, 2017, с. 53–54]).

Литература

Атеисты... — Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая: Ян Чжу, Лецзы, Чжуанцзы (VI–IV вв. до н.э.) / Вступ. ст., пер. и комм. Л.Д. Позднеевой. М.: Изд-во «Наука», ГРВЛ, 1967.

БКРС — Большой китайско-русский словарь / Под ред. проф. И.М. Ошанина. В 4-х т. М.: Изд-во «Наука», ГРВЛ, 1983–1984.

Блюмхен, 2017 — Блюмхен С.И. «Большая игра» времён Чунь-цю // Общество и государство в Китае. Т. XLVII, ч. 1. М.: ИВ РАН, 2017. С. 36–67.

Комиссаров, 1981 — Комиссаров С.А. Новые археологические материалы о раннечжоуском Китае // 12-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч. 1. М., 1981. С. 47–52.

Кузнецова-Фетисова, 2013 — Кузнецова-Фетисова М.Е. Название древней столицы Шан (XVI–XI вв. до н.э.): термины Шан и Инь // 43-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 1. М., 2013. С. 177–183.

Переломов, 1998 — Переломов Л.С. Конфуций: «Лунь юй». Исслед., пер. с кит., коммент. Факсимильный текст «Лунь юя» с коммент. Чжу Си. М.: Вост. лит., 1998.

Прутков, 1894 — Полное собрание сочинений Козьмы Пруткова, с портретом, fac-simile и биографическими сведениями. Четвертое издание. СПб, 1894.

Рубин, 1999 — Рубин В.А. Личность и власть в древнем Китае: Собрание трудов / Сост., отв. ред. А.И. Кобзев. М.: Вост. лит., 1999.

Сыма Цянь — Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. I / Пер. с кит., комм. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина. М., 1972; т. V / Пер. с кит., комм. Р.В. Вяткина. М., 1987; т. VII / Пер. с кит. Р.В. Вяткина, комм. Р.В. Вяткина и А.Р. Вяткина. М., 1996.

Хуайнаньцзы — Хуайнаньцзы: философы из Хуайнани / Пер. с кит., вступит. ст. и примечания Л.Е. Позднеевой. М.: Наука — Вост. лит., 2016. 527 с.

Чжуан-цзы, Ле-цзы, 1995 — Чжуан-цзы. Ле-цзы / Пер. с кит., вступ. ст. и примеч. В.В. Малявина. М.: Мысль, 1995. 439 с.

Юань Кэ, 1987 — *Юань Кэ. Мифы древнего Китая / Изд. 2-е, исправленное и дополненное / Пер. с кит., комм. Б.Л. Рифтина. М.: ГРВЛ, 1987.*

S.I. Blyumkhen*

Hermeneutics of names and images: Bo Yi-kaoy Bo Yi and Shu Qi

ABSTRACT: This paper questions the origin of names of the famous characters of the Chinese history — Bo Yi-kaoy Bo Yi and Shu Qi, and endeavours to reconstruct the course of events which led to emergence of these names and images in Chinese history.

KEYWORDS: Bo Yi-kaoy Bo Yi, Shu Qi, Wen Wang, Wu Wang, Zhou Xin, Lü Wang, Zhou, Shang, mandate of Heaven.

* Blyumkhen Sergei Ivanovich, junior researcher of China Department of the Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow. E-mail: xieji@mail.ru